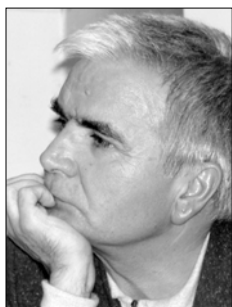

† Профессиональное кредо

ФИЛОСОФИЯ ПРОФЕССИОНАЛА (ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ П.К. ГРЕЧКО)

Уважаемые читатели! Предлагаю Вашему вниманию первое интервью с человеком, который не нуждается в представлении. Интервью состоялось 12 февраля 2009 г. Некоторые высказывания пришлось корректировать по ходу работы, но главное, как мне кажется, а именно — дух общения, нам удалось сохранить.

Я долго думал над тем, что отличает людей нашего круга, людей, посвятивших себя науке и образованию и добившихся определенных результатов. Нас будто бы притягивает друг к другу. Мы говорим на одном языке при всей разности наших научных позиций. Мы легко, буквально с полуслова понимаем друг друга, сохраняя верность собственным идеалам.

Поэтому не удивительно и то, что нас также легко отталкивает от людей, далеких от науки и пытающихся сделать в ней (или на ней) свою карьеру и извлечь иную выгоду. Думаю, что отгадка такого социально-психологического эффекта лежит на поверхности. Каким-то удивительным чутьем мы угадываем своих антиподов.

У профессионалов в науке есть только один настоящий антипод — научная бюрократия, маскирующаяся под вывеской кабинетов начальников, «крупных» организаторов науки и имитирующая с «мастерством» плохих фокусников формальные результаты. Их защитная оболочка — формализм и склонность к иерархии, кипучая активность и псевдонаучная деятельность, мнимые ценности, выдаваемые за настоящие, и искусно скрываемый комплекс профессиональной неполноценности.

Между профессионалами и бюрократами как «чистыми» идеальными типами в научном сообществе имеются разные «промежуточные» слои — случайные люди, «временщики», приспособленцы, аутсайдеры, не нашедшие свое место в жизни и отстраненные в силу различных причин от почетных постов или авторитетных позиций. Но и они не могут смириться с местом на обочине дороги, ведущей к научной истине или другим, менее значимым результатам.

Что же могут противопоставить профессионалы бюрократическому клану, с одной стороны, и дилетантам разных мастей, с другой, кроме неистребимой веры в идеалы науки, высокого уровня специальной подготовки, невероятного чувства всего нового и сочетания интуиции и строгой логики, рефлексивно-критического отношения к миру и гражданской ответственности? Вы скажите, уважаемые читатели, что и этого вполне достаточно, чтобы вызвать искренне восхищение. Но эти качества — скорее следствия уже сложившегося профессионализма, чем его сущностные свойства.

Поставим вопрос по-другому. Какие личностные качества соответствуют или сопутствуют профессионализму в науке? Думаю, что сильно не ошибусь, если скажу,

что имеются несколько вещей, которые побуждают профессионалов вновь и вновь заниматься научными поисками. Страсть к неизведанному, тоска по настоящему идеалу, знакомое каждому предчувствие, предшествующее открытию или рождению нового, и не в последнюю очередь — **обостренное чувство собственного достоинства**.

Вы, уважаемые читатели, скажите, что эти качества присущи практически всем творческим людям. Какое же отношение это имеет к профессионализму? Да самое непосредственное. Творческому человеку не обязательно иметь чувство личного достоинства или переживать тоску по идеалу, чтобы творить, создавать новое для себя. Да и профессионалом является далеко не каждый творческий человек, а лишь тот, кто сохраняет в себе чувство идентичности, приверженности определенным профессиональным требованиям. Конечно, у него имеются свои ограничения, но практически нет пределов роста.

Не уверен, что со мной во всем согласится мой собеседник, Петр Кондратьевич Гречко. Да это и не требуется. Мне импонируют присущие ему конструктивный настрой и чувство самоиронии. С таким человеком можно разговаривать часами и при этом не ощущать усталости или исчерпанности содержания.

Но хватит моих рассуждений. Перейду к делу. Представлю Вам профессора Гречко Петра Кондратьевича.

О профессионализме в философии и науке

Ю.М. Резник: Что Вы цените в людях науки — интеллект, профессионализм, порядочность, следование нормам профессиональной этики..?

П.К. Гречко: Все вместе, но на первом плане, конечно, интеллект. С ним тоже не все так просто, особенно в отечественных координатах. Есть интеллект и интеллект. Приходится сталкиваться с очень специфическим интеллектом — небольшим, но очень упрямым, властным, твердо уверенным в своей правоте, совпадающей нередко с широко распространенными убеждениями или мнениями — с теми в особенности, что идут сверху, индуцируются властными структурами. Относительно этической стороны вопроса. Не будем забывать, что современная философия работает у пределов и с пределами, что это мышление «по краям» — до девиантности рукой подать. Ясно также, что научное исследование не имеет ничего общего с морализаторством. Хотя с моралью людям науки дружить нужно, иначе наука перестанет быть человеческим (и человеческим) делом.

Ю.М.: Что Вы цените в себе как ученом? Считаете ли Вы себя талантливым человеком?

П.К.: Ну, я не очень ученый — всего лишь преподаватель философии. Но дисциплинарно-научные ориентации у меня, безусловно, есть. Это «открытость ума», проблемная введливость и болезненная внимательность к мелочам и деталям (в которых, по уверениям, дьявол-то как раз и прячется). В отношении таланта, талантливости. Я здесь сторонник платонизма: есть Идея таланта, все остальное — лишь ее бледные копии. Разумеется, у «бледности» есть свой спектр (уровни или степени); мне бы хотелось верить, что я не у самого его конца.

Ю.М.: Каковы, с Вашей точки зрения, слагаемые профессионализма в философии и науке? В какой мере эти качества присутствуют у Вас?

П.К.: Слагаемых у философского профессионализма очень много, кое-что идет по умолчанию. Но я бы выделил три вещи: культуру вопрошания, аналитическую по-

нятийность (в разработке идентифицированных проблем) и радикальность (предметно-материальная или идеально-логическая принудительность) в выводах. Стремлюсь и сам всем этим руководствоваться — не всегда, естественно, получается. Не забываю также и о профессиональной этике, ведь философия — это честное мышление. К сожалению, нередко приходится идти на компромисс — *c'est la vie*, как говорят французы. Это, конечно, интеллектуальный оппортунизм, но, поверьте, не все в нем так уж и дурно. Жизнь грубее, но прочнее, и стоит она явно не на понятиях, а, как и Земля, «на Иванах», если верить одному поэту.

Ю.М.: *Что Вы можете пожелать молодым людям, вступающим в науку?*

П.К.: У меня кантовское пожелание: имейте мужество пользоваться собственным умом. И не очень доверяйте авторитетам, в особенности моего возраста, зараженного — так распорядилась судьба, так получилось — вирусом марксизма, а значит идеологизма и догматизма. Старайтесь меньше походить на нас, больше — на время, в которое вы живете. Новое и оригинальное рождается не из преемственности, а из творческого разрыва с ней. Без цинизма и нигилизма — это тоже правильно. «Вступать» в науку желательно как можно раньше — на потом откладывать это дело нельзя. Конечно, в гуманитарных науках, в отличие от естественных, важны временные накопления. Но не верьте тем, кто говорит, что с возрастом люди умнеют. Увы! Большинство людей с возрастом только стареет.

Будут, непременно будут огорчения и неудачи, первые опыты, как правило, не совершенны, но нужно карабкаться, вставать, если упал, и идти, не отвлекаясь на соблазны, к своей цели. Важно постоянно преодолевать самого себя, не заигрывать, облегчая себе жизнь, с разумом и совестью. Держать напряжение мысли очень трудно, но можно и нужно. По-настоящему творческая идея меняет что-то не только в наших представлениях о мире, но и в нас самих. Как и в спорте, чтобы быть в форме, надо постоянно работать — над чем-то, а значит и над самим собой. Иначе извилины превратятся в морщины.

Старайтесь подальше быть от власти — нет, не политической, а текстовой. Не пишите пирамидально-грузные тексты, есть ведь и сеть, структурно-сетевые ориентиры; не выстраивайте вертикаль мысли — рано или поздно она все равно завалится. И побольше различайте: познавать — значит, различать. Руководствуйтесь тем, что можно было бы назвать презумпцией разумности: не доказано, что перед вами глупость, считайте, что имеете дело с вполне рациональной конструкцией.

Еще один совет: попытайтесь найти золотую середину между двумя еще античными сентенциями: «многие должны знать мужи-философы» и «многознание уму не научает».

Ю.М.: *Что Вы считаете главным делом своей жизни? В какой степени Вам удалось его осуществить?*

П.К.: Хороший, однако, вопрос — он ориентирует на конец этой самой жизни. Впрочем, смущать нас он не должен: «бытие-к-смерти», начиная с Платона, — ключевая категория философии. Главным делом своей жизни я считаю ее *наполнение хоть каким-то смыслом*. Ведь само по себе, т.е. «голое», существование бессмысленно, даже абсурдно. В данном плане я следую ключевой идее бердяевской антропологии: человек должен оправдывать свое существование; и лучшее средство для этого — творчество, то или иное. Возможно, мне, как педагогу по профессии, удалось *заразить этим «творческим» делом и кое-кого из своих слушателей*. Не чужд мне также и

восточный рецепт «главного дела»: построить дом, посадить дерево, вырастить сына. Со всем этим я, худо-бедно, справился. Сыновей у меня аж двое, и я ими доволен.

О призвании философа и назначении философии

Ю.М.: *Что для Вас лично означает быть философом? Каково, с Вашей точки зрения, призвание у современного философа?*

П.К.: Со времен Сократа здесь ничего не изменилось. Философ и сегодня «приставлен к городу как овод к лошади, большой и благородной, но обленившейся от тучности и нуждающейся в том, чтобы ее подгоняли». Нужно быть оводом, не дающим покоя, жалящим ленивую афинскую лошадь (афинский народ). И сегодня философ должен оставаться возмутителем интеллектуального спокойствия и социальной лени. Ясна также цель – это *рефлексивное бытие*, как свое собственное, так и окружения, т.е. всех тех, к кому философия адресуется. А адресуется она действительно ко всем: имеющий уши да услышит... Философ – это тот, кто «пробуждает». А еще философ должен быть сейсмографом своего времени и тонко улавливать его исторические колебания. В наше время много говорят о толерантности, что правильно. Но толерантность, чтобы не быть одной декларацией или советом кота Леопольда: «Давайте жить дружно!», – чтобы не быть всем этим, толерантность должна опираться (это ее естественное основание) на релятивизм – в мыслях и делах человеческих. И философ в этом плане должен расшатывать Абсолюты (абсолютные истины). Во-первых, их нет в природе, а во-вторых, они на самом деле очень агрессивны – так и норовят осчастливить ближнего своего. Понятно также, что Абсолюты способны только противостоять друг другу, и никогда – коммуницировать, общаться с целью взаимопонимания.

Ю.М.: *Согласны ли Вы с мнением Вадима Михайловича Межуева о том, что философия – это публичная профессия, т.е. профессия, предназначенная для публичной сферы? И что философ должен найти свое место среди представителей других публичных профессий – политиков, журналистов, актеров и т.д.?*

П.К.: Да, согласен. Публичность философии вдохновляется продолжающимся движением от мифа к логосу, от эзотеризма к экзотеризму, от объективной, а фактически гипостазировано-субстанциальной истины к истине как функции коммуникации, и т.п. Философская публичность, однако, весьма специфична: она не зовет на баррикады, но обнажает их теоретико-мировоззренческие основания; она сомневается в исторической благотворности «восстания масс», но при этом обличает аристократическое презрение к черни, чисто функциональную (без интеллектуальной высоты и духовного благородства) элитность; она не лезет во власть, но учит тому, без чего любая власть рано или поздно загнивает, – критическому духу свободы. Ясно также, что нельзя путать университетскую кафедру с политической трибуной. Публичность философии в нашей стране натывается, дополнительно, на прискорбное препятствие – отсутствие этой самой публичной сферы. А зачем? Включи смехопанораму и наслаждайся жизнью.

Ю.М.: *В какой мере соединяются в философии элементы науки (объективного исследования реальности) и искусства (ее субъективного отражения в образах)?*

П.К.: В образцовых философских текстах соединение науки и искусства почти что органическое. Да это и понятно: без «субъективного отражения в образах» не обходится и сама наука. К тому же и ораторское искусство не чуждо философии.

Вместе с тем логика и поэтика — несомненно разные языки, они часто конфликтуют друг с другом. Искусство пленит человека своим эстетическим наслаждением, своей красотой, что по-своему самодостаточно, герметично, и в этом своем качестве оно подрывает, если не парализует, философскую «волю к истине». Кроме того, красота способна вводить в соблазн, который, по тонкому наблюдению Ж. Бодрийера (правда, в связи с женщиной), есть чистейшая видимость. Философия видимости разоблачает, она обнажает, а не украшает, превращая видение в видение. Укажу и еще на одну «сомнительность» красоты искусства — ее коварство по отношению к морали, нравственности. Здесь достаточно сослаться на художественно (значит, красиво) выписанного злодея — он тоже герой произведения, по-своему симпатичен, нравится, привлекает.

Ю.М.: *Зачем нужна философия российскому обществу? Чем объясняется, на Ваш взгляд, ее низкая социальная востребованность?*

П.К.: А кто сказал — нужна? Пока как раз *не* нужна, скажем мягче, не очень нужна. И это не сегодняшнее ее состояния, а целая традиция. Российскому обществу всегда была нужна (и по инерции все еще нужна) некая склеивающая *идеологическая жвачка*, а ее с успехом поставляли религия, литература, даже позитивистски понятая наука. Философия жизненно важна только в условиях демократии, т.е там, где власть искренне заинтересована в легитимности, где в полной мере соблюдается свобода слова (а не слов), где поощряется инициатива и вознаграждается ответственность, где признается право на информированность, где человек (индивид) вполне естественно притязает на значимость. В более же широком смысле все опирается в особенности нашего национального менталитета, которому, похоже, чужда мысль о том, что не только теория должна идти в практику, но и практика должна идти к теории. Пока же каждая из сторон винит другую в своих грехах, а дела, исторические дела стоят, стагнируют, подгнивают. Проще говоря, наша общественная практика пока еще недостаточно развита, во многом традиционна, она отторгает теорию (соответственно, философию), ограничиваясь, по сути, жизненным опытом, здравым смыслом и, как это ни парадоксально, подвешенным языком.

Ю.М.: *Какова миссия философии и философов в современном обществе? Кто они философы — группа интеллектуалов, занимающая свое место на рынке труда, каста избранных, претендующих на собственную картину мира, просветительская общность, кто еще?*

П.К.: Вопрос это не простой — миссия философии и философов. Можно сослаться на авторитет, гегелевский например: философия — это *эпоха, схваченная в мысли*. Можно ответить в общем плане: *философия призвана учить свободе*, свободной мысли и свободному поступку. А можно и поконкретнее, применительно к современности и нынешней исторической ситуации России. Философия как раз должна ответить на вопрос, в чем эта современность состоит, какова ее историческая специфика (а специфика для меня — то, в чем сокрыта сама сущность). Пожалуй, мы бы выполнили свою миссию, если бы смогли переломить общественное сознание и убедить власти предрержащие, что социально-гуманитарная культура и фундирующее ее образование являются ключевым, первейшим ресурсом демократически развивающегося общества. В лоне этой культуры формируются два важнейших капитала — человеческий и социальный. Без них не может быть ни успешной естественнонаучной, ни продуктивной технической (технологической) культуры, что мы в об-

шем-то и наблюдаем. Выйдем на такую, так понимаемую социально-гуманитарную культуру — получим и миссию философии, и реальный социальный заказ для философов. Пока же мы влачим жалкое охранительно-идеологическое существование, что очень устраивает нашу бюрократическую власть: таких беззубых, все и вся забалтывающих мыслителей надо еще поискать. Более того, в наших текстах так много власти (иерархических структур, пирамидальных конструкций, императивных суждений), что лучшего основания для реальной политической власти и желать не приходится. Кто они — философы? Понятно, кем они должны быть, — властителями дум своей эпохи. А по факту? А по факту — какие-то *маргиналы*, которым перепадают крохи от праздничного стола власти и жизни. Но виноваты в этом и сами философы. Обрести достойный статус в обществе они могут (смогут) только своим профессионализмом и предложением прагматических интеллектуальных проектов.

О состоянии социальной философии в России

Ю.М.: *Какова Ваша общая оценка ситуации в современной отечественной социальной философии? Можно ли ее описать в терминах «предпарадигмальная» (период становления парадигм), «монопарадигмальная» (господство одной парадигмы), «полипарадигмальная» (сосуществование разных парадигм) и «постпарадигмальная» (выход на другой уровень осмысления социальной реальности)?*

П.К.: Общая ситуация неважная, и парадигмальностью с любимыми приставками: пред-, моно-, поли-, пост-, — здесь не пахнет. Хотя выхода на другой какой-то уровень осмысления социальной реальности очень не достаёт. Наблюдается или бездумно-механическое перенесение западного категориального аппарата, или возрождение призабытых было марксистских установок. По-настоящему оторваться от них мы так и не смогли. А тут еще финансово-экономический кризис — опять начал бродить призрак коммунизма. Прямо бальзам на душу бойцам-ветеранам идеологического фронта. Нет адекватного и непредвзятого осмысления реального положения вещей, и потому мы не знаем, где в действительности находимся и на что реально способны, можем рассчитывать. Не проварились как следует в парадигме Модерна, а на дворе уже Постмодерн — попробуй сориентируйся. Глобализация свела на нет наш традиционный «междусобойчик», страна открылась миру и его конкурентному давлению. Есть теперь с кем себя сравнивать и на что ориентироваться. Мешает, правда, незнание современной научной латыни — английского языка. Спасают, однако, переводы — очень разные по качеству, но в целом неплохие.

Ю.М.: Сложилось ли, на Ваш взгляд, научные школы в отечественной социальной философии и что Вы считаете признаками такой школы?

П.К.: Нет, *научных школ в отечественной социальной философии нет*. Есть другое — интересные и умные авторы, не «складывающиеся», однако, в научные школы. Может быть, идет какое-то подспудное идейное накопление, — может быть. Но факт остается фактом: чего нет — того нет. По Гегелю, сова Минервы вылетает в сумерки. У нас не разберешь, какие, собственно, сумерки — предрассветные или вечерние. Возможно, это и сбивает с толку наших исследователей. Признаком научной школы является наличие признанного лидера, в нынешнем глобальном мире — уже не только с отечественным резонансом. Таланты есть, а Германа, то бишь лидера, все нет. Лидер зачинает или открывает соответствующий философский дискурс, который со временем выпадает в осадок, называемый парадигмой. Парадигма — вещь при-

метная, ее трудно не заметить. И потому сентенция «нет пророка в своем отечестве» в ситуации с социальной философией не работает.

Ю.М.: *К какой философской и научной школе Вы сами себя относите? Кто Ваши учителя и предшественники?*

П.К.: Не отношу, но хотел бы себя отнести — к постмодернизму. «Школьные» границы у постмодернизма, по принципиальным соображениям, очень размыты, потому и не говорю о школе постмодернизма. В этом дискурсе современности я ценю прежде всего два философских достижения: онтологию различий и метод деконструкции. Отсюда и учителя-предшественники — это Жиль Делёз, которого я считаю величайшим философом даже не XX, а идущего XXI века, и Жак Деррида, а также Ролан Барт с его непревзойденными текстологическими прозрениями. Кое-кто считает постмодернизм философской модой и предрекает ему скорый конец. Самые горячие головы полагают, что он, конец этот, уже наступил. Что ж, конца ничему не избежать, без этого не было бы развития и прогресса. Только вот думается мне, что после постмодернизма многое нельзя будет делать так, как раньше. Подобных примеров в истории человеческой мысли немало. Скажем, до Шпенглера мыслители легко отождествляли культуру с цивилизацией, а после него делать этого уже нельзя, во всяком случае, без существенных оговорок.

Ю.М.: *Ваша референтная группа в социальной философии и социальной теории? Кто они в мировой философии? Назовите также тех отечественных социальных философов, кто ближе всего подошел к созданию собственной научной школы?*

П.К.: На этот вопрос я в общем-то ответил. Но если не выбиваться из отечественной колеи, то я бы назвал В.Е. Кемерова и Т.Х. Керимова с философского факультета Уральского государственного университета. Социальная метафизика, социальные формы, индивидуальное бытие людей как «ядерная» структура социального процесса, радикальная социальность, множественная субъективность, гетерология, социемы — все это свежие и достаточно эвристичные идеи. Внимательно слежу за творческим ростом таких метров отечественной социальной философии, как К.Х. Момджян, К.С. Пигров, Ю.М. Резник, В.Г. Федотова (называю заведомо не всех); с интересом читаю работы Б.Г. Капустина (философия политики) и А.Ф. Филиппова (теоретическая социология); часто обращаюсь к Энциклопедии постмодернизма и Новейшему философскому словарю, подготовленным «могучей кучкой» белорусских авторов; вдохновляющие тексты готовит и Лаборатория постклассических исследований ИФ РАН. Что значат все эти имена и адреса (может быть, неосторожно названные) в мировой философии? Думаю, мировая философия их плохо знает — не Луманы и не Хабермасы. Но я продолжаю верить М.В. Ломоносову: «Может собственных Платонов / И быстрых разумов Невтонов / Российская земля рождать».

Ю.М.: *Существует ли у Вас собственный рейтинг научной активности социальных ученых? Кого из отечественных исследователей в области социальной философии и теоретической социологии Вы чаще всего цитируете?*

П.К.: Видимо, к сожалению, но собственного рейтинга у меня нет. Тем не менее есть некие общие ориентиры, высвечивающие для меня степень научной новизны: зего-уровень — это *реферативность*; достаточно продвинутый, но тоже с натяжкой, — из чувства вежливости — *генеративность*; и, наконец, в полной мере творческий — *креативность*. Креативности нам явно не хватает, она в наших работах — большая редкость. Помогает также аристотелевский критерий — удивление: если я хоть раз

по-настоящему удивился, читая ту или иную работу, – значит, это настоящее исследование. А так многое прочитываешь ради библиографического охвата литературы по той или иной теме-проблеме. Теперь относительно цитирования. Увы, патристического индекса цитируемости у меня не получается – чаще всего цитирую Макса Вебера. На мой взгляд, он блестяще выразил дух Модерна, есть от чего отталкиваться и в поиске духа Постмодерна.

Ю.М.: *Книга какого отечественного автора в области социальных наук привлекла Ваше внимание в последнее время? Что вы читаете из философских работ в настоящий момент?*

П.К.: Недавно вновь просмотрел работу В.С. Барулина «Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя» (СПб.: Алетейя, 2000). Удивительный он все же человек! Казалось бы, насквозь пропитан марксистским социологизмом, а на тебе – пишет о праве человека на общество. Не совсем реалистично, даже утопично, но – трогательно. В настоящий момент читаю Г. Бейтсона (Шаги в направлении экологии разума: Избранные статьи по теории эволюции и эпистемологии. М.: КомКнига, 2005). Интереснейший мыслитель, хотя и не совсем философ. Есть над чем думать: ничто как причина в мире разума; различие как элементарная единица информации и разума; процесс как основа структуры; разум как сущность живого; и так далее. В связи с разразившимся финансово-экономическим кризисом перечитываю «Призраки Маркса» (М.: Logos-altera, 2006) Ж. Деррида. Вы знаете, призраки эти помогают многое понять в складывающейся ситуации. А то, что они снова начали бродить, и не только по Европе, – факт очевидный. Из продукции на ученой латыни основательно вчитываюсь сейчас в работу Р. Флориды, посвященную глобальной борьбе за таланты (Florida R.L. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. N.Y.: Harper Collins Publishers, 2007). Автор разработал интегральный творческий индекс (The Global Creativity Index), куда включил три (под)индекса: талант (Talent Index), технологию (Technology Index) и толерантность (Tolerance Index). Российская Федерация по этой шкале занимает 25-е место, а ее творческий индекс (в масштабе от 0 до 1) равен 0.339. Для сравнения: наш традиционный соперник, задорновский «тупой американец» явно впереди – у Соединенных Штатов 4-е место и индекс 0.666. Для успокоения чрезмерно патристической публики замечу, что, по признанию самого Флориды, одна четверть всех ученых и инженеров, 40% всех «инженерных» профессоров и больше половины всех докторов (PhD) в инженерной и компьютерной науках, а также в науке о жизни имеют иностранное происхождение. Более того, автор прямо ставит вопрос о конкуренции, войне за таланты. Участвовать в этом процессе могут и, наверно, должны все страны, включая Россию.

Ю.М.: *Вы – опытный эксперт, знакомый с десятками диссертационных исследований по философии. Чем объясняется, на Ваш взгляд, снижение научного уровня докторских диссертаций по социальной философии? Встречались ли Вам новаторские или оригинальные работы, значительно превышающие средний уровень? Можете ли Вы назвать их фамилии?*

П.К.: У меня встречный вопрос: а что вообще у нас повышается? То-то и оно – системная это зависимость. Проще говоря, *уровень диссертаций упирается в качество той общественной системы, которую мы создали и продолжаем поддерживать*. Несколько перефразируя Гегеля, скажу: каждый народ достоин не только своего правительствa, но и своих диссертаций. Вообще-то мы плохо знаем общество, в кото-

ром живем, и нас, в нем живущих. Нужно все прояснять и уточнять, начиная с «дорог» и «дураков». По поводу последних приведу только афоризм генерала Лебеда: «Глупость — это не отсутствие ума, это особый ум». Вот с этим особым умом и живем. Он объясняет все остальные наши «особости». Ну может ли быть современное качество диссертаций там, где «горе от ума», где «умом... не понять», где «а нам это надо?»? Очень много у нас — нет, не лжи, а самообмана. Его джентльменский набор до примитивности прост: мы — великие, нам все по плечу и виноваты во всем американцы.

Главная наша беда (ясно, что не только в плане диссертаций) — не заработал, не работает в полной мере механизм конкуренции, который, по определению, отбирает лучшее и лучших. Отсюда и какая-то скособоченная конкурентоспособность получается. Без конкуренции же любая система заболачивается и начинает давать сбои. Там, где нет конкуренции, нет и критериев — понятных, ясных, всеобщих, нет активно работающего, внимательного, но взыскательного профессионального сообщества, нет многого другого. Для специалистов очевидно, что не всякий человек способен освоить даже программу высшей школы, а у нас каждый может «остепениться» — было бы желание. Мне довелось присутствовать на защите PhD-диссертации (философия) в Университете Париж-8. Четыре профессора, включая научного руководителя, соискатель и многочасовая (до 5-6 часов) дискуссия. Выдержал дискуссию — получаешь соответствующий диплом. Никаких тебе ВАК-ов и других властно-официальных посредников. Университет, государство, общество доверяют четверем профессорам. У нас же в диссертационном совете заседает (некоторые дремлют в ожидании банкета) под два десятка, а доверять нельзя — могут пропустить (и пропускают-таки) халтуру.

Встречаются ли оригинальные работы? Да, конечно. Но называть фамилии не нужно — на сайте ВАК они и так вывешены.

Ю.М.: *Есть ли будущее у отечественной социальной философии? Речь идет не только о смене поколений, но и появлении среди научной молодежи интересных исследователей.*

П.К.: Есть, разумеется. И связано оно будет с новой генерацией исследователей. Но, конечно, нужно упорно работать — надо растить это самое новое поколение. Иначе опять получится «как всегда». Сегодня есть немало проблем на стороне *teaching*: многие преподаватели просто не готовы, не могут работать на современном уровне, особенно в магистратуре. Идеологически тыкают студентов в то или иное, как правило не свое, учение. Ну какой, скажем, это университетский преподаватель, если он не ведет серьезную исследовательскую работу, не приходит в студенческую аудиторию как ученый? Но еще больше здесь проблем на стороне *learning*. Наш министр образования А. А. Фурсенко, выступая 10.02.2009 на заседании фракционной группы «Единой России» в Госдуме, сказал буквально следующее: «Сегодня же из всех студентов только 15-20% реально пашут в вузах». Невеселый КПД получается — с хроническим непосещением и халатным отношением к учебе. Я вспоминаю свои студенческие годы: мы подрабатывали, но учились. Ныне ситуация прямо противоположная: работают и «подучиваются». В связи с приведенными процентами возникает еще одно тоже не очень веселое предположение: а нет ли здесь корреляции с преподавателями, их усилиями — сколько из них реально пашет?

Корни у затронутых мною проблем очень глубокие — они гораздо более фундаментальные, чем мы думаем. Вот мы любим повторять: «Если звезды зажигают — значит, это кому-нибудь нужно»? Ну а если не зажигают — вы думаете, это никому не нужно? Ошибаетесь. Профессионал — человек вообще-то свободный, актуально

(в своем реальном поведении) или потенциально (внутренне, в своем сознании). «Образованец» же — мутант особый (опять наша «особость»), им легко управлять (в смысле: манипулировать), его можно все время держать на крючке, сбивать в «группы ликования» или «общественной ненависти», и т.д. По большому счету, пока не будет наведен порядок в двух наших ключевых институтах — власти и собственности (а с легитимностью там постоянные проблемы), до тех пор вся культура, включая образование, будет выполнять у нас по преимуществу идеологическую — прикрывающую, скрывающую — функцию.

Ю.М.: *Неизбежно ли, с Вашей точки зрения, вращение отечественной социальной мысли в мировую философию и науку? Или мы и здесь пойдём, как это не раз бывало в нашей истории, «своим путем»?*

П.К.: Вращение в мировую философию неизбежно. И это сделает, уже делает глобализация. Тут нет выбора: хотящего глобализация ведет, нехотящего — тащит. Нас, похоже, тащит, а мы упираемся, возражаем, не хотим. Глобализация страшит, мы к ней не готовы, несмотря на нашу традиционную «всемирную отзывчивость». И понятно почему: глобализация — это очень серьезный вызов, она несет с собой предельно жесткие критерии: нужно все делать не просто нормально и даже хорошо, а лучше. Кое-кто уже вздыхает по эпохе железного занавеса. А что — не надо было себя ни с кем сравнивать (мы и так были лучшими, а советское означало отличное), круг авторитетов ограничивался «своими людьми», писали и защищали потихонечку — никакого тебе индекса цитируемости или международной узнаваемости. Достаточно было уложиться в Садовое кольцо. Очень даже помогала идеологическая кондовость: стоишь себе на не тобой даже обозначенных позициях, и вся недолга. А теперь, оказывается, нельзя даже стоять — нужно двигаться (вместе с позициями, которые прежде необходимо еще выбрать).

«Своим путем» в условиях глобального мира уже не получится. Мне кажется, мы не осознаем, что на наших глазах совершается переход от мировой к глобальной философии. Недостаточно что-то выдвинуть, нужно выиграть, победить в конкуренции на живучесть, выживаемость, притом что масштабы — планетарные. Все, что не выдержит испытания глобализацией, будет называться философией только из чувства вежливости или политкорректности, что одно и то же.

О стиле и результатах философской и научной деятельности

Ю.М.: *Петр Кондратьевич, кто Вы по своему призванию — теоретик-фундатор, создавший собственную теорию и основавший научную школу? Концептуалист, имеющий авторские концепции, не связанные в единую теоретическую систему? Методолог, разрабатывающий систему методов?*

П.К.: Увы, похвастаться разработанной и признанной концепцией или теорией я не могу — явно чего-то не хватает. Есть одна интересная задумка — *диспозиционно-коммуникативная природа социального*, да и та пока только в строительных лесах. Что люблю, так это погружаться в фундаментальное настроение по Хайдеггеру. Там, полагаю, философия *at home*. Мое любимое определение философии: это поиск последних оснований, последнего «почему» в любом обсуждаемом вопросе. У философии нет никаких объектных ограничений, но есть и должна выдерживаться предметная специфика, о которой я только что сказал. Не вижу я особой разницы между теорией и методологией: методология — наиболее продвинутая (обоснованная, ус-

тойчивая) часть теории, которая обеспечивает дальнейший рост знания. Более того, если за методологией не стоит теория, то это и не методология в действительном смысле этого слова или плохая методология. Свою теоретико-методологическую ориентацию я бы обозначил как аналитическую понятийность, хотя понимаю и соглашаюсь с постмодернистами, что природа философского знания метафорическая (метафоричная). Аналитика, аналитический подход немного подсушивает философию, в которой всегда (начиная с Фалеса) было много воды, не дает ей растекаться (это отечественная уже традиция) мыслию по древу. Так что я скорее концептуалист, чем теоретик или методолог. Теория для меня — нечто нормативное, а, следовательно, системное, стройное, действительно научное. К философии как теории предстоит еще долго идти. Но цель того стоит.

Ю.М.: *Каковы основные результаты Вашей научной деятельности? Перечислите принципиально новые идеи и положения, которые Вы привнесли в опыт философского познания? Надеюсь, отечественного, а не мирового.*

П.К.: Точно не мирового, да и с отечественным бывает «напряженка». У меня действительно есть любимые идеи-проблемы, к которым я постоянно возвращаюсь и в контексте которых пытаюсь что-то сказать *urbi et orbi*. Вот они: практико-теоретическая континуальность социальной реальности; органическая взаимосвязь *praxis* — а как социальной нормы с природой, или базовыми потребностями, человека; архетипическая роль равенства в историческом бытии справедливости; метапаттерны истории и концептуальные модели исторического познания; плюрализм как новая (отличная от коллективизма и индивидуализма) социальность; империум как вызов глобального и темпорально многослойного современного мира; онтология различий, а не тождеств и единств; сущностное отличие *contemporaneity* от *modernity*; толерантность (не терпимость) как особая коммуникативная культура; национальная — но не этническая, а гражданско-политическая идентичность.

Ю.М.: *Представьте себе, что по объективным обстоятельствам Вам придется сменить свою профессию и у Вас остается только один год на научные занятия. Чему бы Вы его в первую очередь посвятили?*

П.К.: Сменить профессию? Нет, на такой подвиг я уже не способен. А вот насчет одного года — это интересно, и постараюсь ответить. Мне бы хотелось разобраться — и профессионально, и где-то для себя лично, почему мир устроен так несправедливо. А то, что он устроен несправедливо, для меня это самая глубокая истина. Один куршавелит себе всю жизнь и как с гуся вода — ни тебе угрызений совести, ни наказания со стороны Судьбы. А другой пытается вести нравственный образ жизни, старается через силу, а свести концы с концами не может. Одному Природа (видимо, все-таки она) дала таланты, а другому нет, обделила, обошла — на каком, спрашивается, основании? за какие такие заслуги? Разве бесталанный человек — не инвалид? Впрочем, здесь адресоваться нужно не к природе (ее не переделаешь), а к обществу — оно должно выработать правильное отношение к данному состоянию или положению вещей. Вообще-то это проблема маленького человека — виноват ли он, а если виноват, то насколько, в своей малости? И проблема адекватного отношения к гениям и талантам. Может, они наше национальное (общенародное) достоинство, как и недра земли, например? Таков, пожалуй, абрис темы-проблемы, которой не скучно было бы заниматься, располагая только одним «последним» годом. И соглашаясь с великим Пушкиным: «...Нет правды на земле. / Но правды нет — и выше».

О стиле организации научно-образовательной деятельности

Ю.М.: *Петр Кондратьевич, Вы давно работаете заведующим кафедрой? Что отличает Ваш стиль руководства? К какому традиционному стилю Вы бы себя отнесли?*

П.К.: Прежде всего я бы хотел поблагодарить Вас за внимание к образовательному аспекту философии. Это не только мой хлеб насущный, но и принципиальный вопрос институционального статуса философии. Образование или преподавание — главный канал реализации публичной функции (определенности) философии, о чем мы уже говорили. Не преподавать философию нельзя. Если без претензий, адекватно и профессионально точно, то философ — это почти всегда преподаватель философии. И высшее звание здесь — профессор. В процессе преподавания, пытаюсь кого-то в чем-то убедить, сделать свои мысли понятными и прозрачными, мы фактически тестируем, проверяем свои разработки и подходы, пытаемся служить обществу, в котором живем и работаем. На этом же пути мы готовим себе смену, призванную пойти дальше, сделать больше нас.

Теперь о стиле работы. Традиционный стиль работы, в моем понимании, реактивный. А современный, по определению, — интерактивный. На последний нормативным образом и пытаюсь ориентироваться. Административная «видимая рука» при таком стиле руководства сведена к минимуму. Работает, и работает эффективно, «невидимая рука» профессионального долга и коммуникативной компетентности — всех: и меня как заведующего, и моих коллег по кафедре. К сожалению, невидимая рука часто подводит и потому приходится (а как не хочется) обращаться к видимой: подталкивать, напоминать, требовать.

Ю.М.: *Можете ли Вы сказать, что у Вас на кафедре сложился работоспособный коллектив? Что Вы считаете признаками эффективной команды в сфере образовательной деятельности?*

П.К.: Педагогический — да. Но все дело в том, что для университетского уровня, по современным меркам, одной педагогики мало, особенно в магистратуре, при работе с магистерскими программами. В университете должно преподаваться (только) то, что так или иначе исследуется, концептуально разрабатывается.

К сожалению, не всем нашим преподавателям удается органически сочетать науку и образование. На первом плане, как правило, образование, учебный процесс. Он подавляет, отнимая львиную долю времени, выматывая иногда до предела, — какая уж тут научная работа! Есть такое уничижительное выражение — «доцентская философия». Так вот, в силу своей учебно-методической задавленности, философия в вузе выше «доцентскости» чаще всего и не поднимается. А точно надо бы... Признаки эффективно работающей команды? Ну, это понятно — качество конечного продукта, то бишь выпускников (бакалавров, магистров, кандидатов, докторов).

Качество выпускников, на мой взгляд, концентрируется в их конкурентоспособности, которая, в свою очередь, дифференцируется на компетенции: вопрошания (идентификация и теоретическое заострение проблемы), рефлексивности (осмысленность, аналитическая понятливость, критическая оценка), имажинативности (ориентация в нестандартной ситуации и предложение перспективных альтернатив) и трансверсальности (отказ от единственной возможности, умение решать задачи иными путями). Данные компетенции — модельные субъектные характеристики действительно современного дискурса, убедительно противостоящего той смеси фактов, эмоциональных всплесков и риторических вопросов, которой его у нас обычно подменяют.

Ю.М.: *Что мешает Вам раскрыть потенциал руководителя и создать такую команду?*

П.К.: Что мешает? Много, конечно, — и внутри самого себя, и вовне (окружение, среда, общая атмосфера). Я, например, часто ловлю себя на авторитарно-патерналистских поползновениях. Сказывается, видимо, советская жизненная школа, да и возраст — он уже брюзжащий. Чем бы конкретно хотелось руководить? Профессионализмом, инициативностью, педагогическим энтузиазмом, образовательным оптимизмом и пр. в том же роде. Но вместо этого часто видишь и наталкиваешься на отработывание аудиторных часов (отчитал, провел и побыстрее из университета — домой или еще куда), на нежелание искать по-настоящему современные средства и формы учебного процесса («спасает» инерция однажды освоенного), на отсутствие вкуса к собственно теоретической работе (недооценка, в частности, научно-методологических семинаров), на удручающе сырые тексты предлагаемых научных работ, и прочая, и прочая.

Больше всего неприятностей доставляет административный ресурс. Он хоть и называется по-современному — университетским менеджментом, но по-прежнему командный, сверху-вниз спускаемый. И получается на выходе какой-то административно-академический бихевиоризм: стимул (срочная команда сверху) — реакция (вынужденно-вялый ответ снизу), стимул — реакция... Бюрократизма вообще-то хватает везде — и там, на Западе, и здесь, видимо, на Востоке. Но если на Западе бюрократизм в основном рациональный и во многом оптимальный, то у нас он по большей части нерациональный, и почти все заканчивается у него «как всегда». Отсюда понятно, почему документооборот становится в университете чуть ли не главным «производственным» процессом. С утра до вечера приходится отчитываться, отвечать на сыплющиеся как из рога изобилия приказы, распоряжения и пр. бумаги. Заметьте: бумаги — компьютер при этом используется лишь как пишущая машинка. Я уже не говорю о моральной стороне всей этой активности — она просто развращает, причащает к очковитирательству, к ложно понятой отчетности, «галочкам» и т.д.

Нет, я не ропщу, не жалуясь — просто констатирую, ибо в бюрократической структурированности (опутанности) нашей жизни есть и вина педагогов, преподавателей (меня самого, значит): бумерангом возвращается то, чему и как мы всех этих канцелярских людей учили, научили. Уверен: человек, получивший настоящее образование, чинушей не станет и писать буквоедские инструкции не будет

Ю.М.: *Чему бы Вы хотели научиться в искусстве управления научно-образовательным коллективом?*

П.К.: Так прямо и хотелось бы — научиться искусству управления, превратить управление в искусство. Выйти на какую-то академическую корпоративность — корпоративность, в которой бы конкуренция была уравновешена синергией, а разум инструментальный (без него образовательный процесс тоже немислим) дружил бы с разумом коммуникативным — взаимопонимательным, участливым, уважающим иное и другое. Тоже важно не переборщить, а то ведь можно оказаться в ловушке «хорошего человека» и «полого специалиста».

Меня всегда подкупал постмодернистский лозунг *Vive la difference!* Было бы неплохо превратить его в профессиональное кредо, работающее и на образование, и на науку. Как искусство принятия решений, искусство управления для меня — это не только рациональная продуманность, но и некая оптимальность. «Некая» — потому

что многое здесь идет, должно идти, «по умолчанию». Установки и значения «по умолчанию» есть даже в компьютере, тем более они должны быть «в человеке» — среди людей, коллег по работе. Искусство в управлении я связываю также со стратегическим мышлением и всесторонним учетом последствий предпринимаемых шагов или действий. Сверхзадачу искусства управления кафедрой вижу в максимальном раскрытии-использовании наличного потенциала — в полной мере сознавая, что «других писателей» у нас нет.

Ю.М.: *Какой Вы видите в идеале кафедру социальной философии?*

П.К.: В идеале, говорите? Значит, мечта, которая бы по-хорошему злила или раздражала. И значит, в режиме должного...

На идеальной кафедре социальной философии должен витать дух науки, должно «пахнуть» исследовательским поиском. Глаза членов идеальной кафедры должны излучать динамизм и творческий оптимизм, некую отрешенность от повседневной суеты и устремленность к чему-то вечному, высокому, благородному.

Преподаватель — вдохновенный человек; «эмоционально выгоревшим» педагогам не место на идеальной кафедре. Возглавлять такую кафедру должен только крупный (следовательно, не только «отечественный» — с мировым именем) ученый, выигравший соответствующий общенациональный конкурс, покоров своим вступительно-отборочным докладом членов Ученого совета университета. Поскольку ученый — крупный, а его власть — авторитетна, то на кафедре преобладают горизонтальные, а не вертикальные связи.

На идеальной кафедре социальной философии должны быть действительно ведущие профессора и ведомые помощники-ассистенты. В обычном же (по должности) формате профессора и ассистенты — просто преподаватели, часто выполняющие одну и ту же работу; и потому непонятно: то ли ассистенты у нас такие, как профессора, то ли, наоборот, профессора такие, как ассистенты. Идеальный профессор должен каждый год выпускать монографию или учебник (учебное пособие). Как профессор Мишель Фуко, например, годовая аудиторная нагрузка которого составляла всего 26 часов, но зато каждый год он представлял оригинальное научное исследование.

Пожалуй, хватит, а то ведь можно впасть в отчаяние, переходя от идеала к действительности.

Ю.М.: *Спасибо за возможность задать Вам эти непростые вопросы и получить на них откровенные ответы.*